

УДК 81'373.613; 811.161.1; 811.162.1

ТИПЫ И ФУНКЦИИ ПОЛОНИЗМОВ В РОМАНЕ В. МЕДИНСКОГО «СТЕНА»

© 2019 г.

*А.А. Уразбекова*Представительство Россотрудничества в Венгрии –
Российский культурный центр в Будапеште, Венгрия

alina.urazbekova@yandex.ru

Поступила в редакцию 17.06.2019

Рассматривается роман В. Мединского «Стена» с точки зрения использования в нем полонизмов. Количество заимствований из польского языка в русский с течением времени неукоснительно растет, об этом свидетельствуют данные приведенных лексикографических источников. В тексте книги встречаются как лексические заимствования, для которых польский язык послужил посредником при передаче лексем из латинского, итальянского, немецкого, французского и венгерского языков, так и собственно полонизмы. Рассматриваются примеры употребления лексем (рокош), словоформ (светловель-можны) и транслитерированных форм (пся крев, пекло) для придания роману польского колорита и способы их ввода в текст. Показан процесс изменения лексического значения полонизмов при их адаптации в русском языке.

Ключевые слова: полонизм, заимствование, иноязычные слова, польский язык, русский язык, лексикография, семантическая адаптация, языковые контакты.

Сегодня языком-проводником западных идей заслуженно считается английский язык, до этого широкое распространение имел французский, но мало кто уделяет должное внимание периоду интенсивного влияния на русский язык польского (первая половина XVII века). Этот западнославянский язык каждый раз попадал в поле зрения лингвистов в те временные отрезки, когда истории наших стран тесно переплетались. Регулярно входить в русский язык полонизмы продолжают и сегодня: «... Посредническая роль польского языка в обогащении русского языка западноевропейскими не ограничена допетровской эпохой, а на новом хронологическом срезе представлена новым кругом слов и понятий» [1].

Генетическое родство языков, безусловно, также приводит к сходству и подобию их лексического состава, но культурное взаимодействие народов тем не менее оказывает весомое влияние на заимствование лексики [2]. Впервые список полонизмов в русском языке составил Я.К. Грот в конце XIX века [3] и насчитал их менее 100, а В. Витковский в начале XXI века уже выделил более 1000 лексем польского происхождения в русском языке [4].

Языки заимствуют буквы, морфемы, грамматические формы, словообразовательные модели, синтаксические конструкции, но в большей пропорции они перенимают, конечно, слова. Если в русский приказной язык прошлых веков польский язык проникает вполне закономерно, то в художественной литературе XXI века он играет роль маркера, необходимого элемента

для создания колорита описываемого времени в прозе, тематически связанной с Польшей, ее историей и культурой. Подавляющее большинство подобного рода лексем легко идентифицируются читателем как относящиеся к польскому быту и культуре, именно поэтому они автором и используются.

Ниже мы рассмотрим приключенческий исторический роман В. Мединского «Стена», повествующий о событиях Смутного времени, главным образом об обороне Смоленска, сквозь призму вводимых автором в произведение элементов польского языка. Эта книга, одна из последних польской тематики, дает представление о полонизмах, употребляемых российскими авторами.

Слова, имеющие однокоренные слова в других славянских языках, в том числе и польском, не отнесены нами к полонизмам¹: *бархат, блуд, быдло, вельможа, визг, воевода, война, войско, волколак, ворот, гнев, дно, жбан, жупан, зелье, кафтан, косма, кость, кошель, крест, куколь, курва, лоб, лохань, мгла, мех, милый, мост, машина, нога, нож, орел, пицаль, полон, прясло, репа, рогоз, роскошь, рукав, сабля, сажень, свара, скорняк, слух, струг, смола, сокол, спорый, стог, страх, суд, тело, тес, толмач, убогий, хохот, шея, шур, ярмо.*

По понятным причинам поляки изображаются автором отрицательными героями. По мере развития сюжета читатель начинает воспринимать их речь заведомо негативно. Заимствования из польского языка точно и выразительно создают речевой портрет героев, помо-

гают раскрыть перед читателем образы поляков, формируют эмоциональную тональность всего текста.

Самыми удобными для маркирования персонажей как поляков служат «шляхетские» фамилии на *-ski*, характерные для Польши: *Гновский, Новодворский, Хрулевский, Збыховский*; фамилии прозвищного типа: *Скуратов*²; имена: *Агнешка, Крыся, Кишицеф, Янина, Лешек, Збышек*; хоронимы *Речь Посполитая, Краков, Варшава*; упоминание исторических персонажей: *Мнишек*³, *Зебжидовский*⁴, *Жолковский*⁵, *Сигизмунд*⁶, *Сапега*⁷. Весьма традиционным маркером поляков, широко распространенным в художественной литературе, являются формы вежливого обращения на «вы» *пан, пани, панна (пани Агнешка, пани Паскуликова, пан Збигнев Сташевский, пан Лаховский)* [7]. Пример вежливого обращения: – *Пан Лаховский, не прикажете ли вы остановиться?* [6].

Глаголы-полонизмы в тексте романа не встречаются. Среди заимствований из польского языка, употребленных В. Мединским, преобладают существительные, обозначающие реалии повседневной жизни: *поляк* (от *polak*), *полька*; *сейм* («историческое название сословного представительного собрания» от *sejm*); *красота* («красотка» от *krasa*); *кампания* («поход, массовое мероприятие» от *kampania*); *палаш* («холодное оружие, подобное сабле, но с прямым длинным и широким лезвием, обоюдоострым к концу», от *pałasz*).

Ряд слов приведен в тексте в первую очередь с целью подчеркнуть польский колорит и отослать к реальным историческим событиям. Например, *рокош* (от польского *rokosz*) – вполне можно было заменить на «мятеж, бунт», но Сандомирский рокош или рокош Зебжидовского как название явления широко распространен в исторической литературе, регулярно упоминается в энциклопедиях [8]. См., например: *Ну да, я участвовал в рокоше Зебжидовского, ну и что?* [6, с. 151].

Самозванцевы поляки с собственным королем на ножах – там и тех много, кто раньше мятеж против Сигизмунда поднимал, рокош по-ихнему [6, с. 362].

К тому ж в Польше мятеж – рокош по-ихнему, какое ж тут пополнение казны? [6].

Приведенный выше материал является ярким примером лексического варваризма, под которым мы вслед за Е.В. Мариновой понимаем «иноязычное по происхождению слово, обозначающее неспециальное, бытовое понятие и эквивалентное слову языка-реципиента» [9, с. 39].

В следующей фразе автор отсылает нас к реально существовавшей на западе Польши исторической области, ставшей основой единого Польского королевства, а затем напоминает польский националистический лозунг *Polska od morza do morza*, который обращается к национальной памяти поляков и вызывает стойкие ассоциации с прошлым величием страны в составе Речи Посполитой, когда во время правления династии Ягеллонов границы государства распространялись от Балтийского до Чёрного морей:

– *А я – простой воин! Не офицер, пан. З... зато по-польски говорю, понимаешь... Я люблю польских панночек! Слава Великой Польше! От моря и до моря! Ура!* [6, с. 218].

Следует отметить, что показная «простота» заимствованных из польского, родственного русскому, языка слов нередко бывает обманчива. Носители русского языка воспринимают привычные слуху слова как понятные, хотя далеко не всегда близкозвучные польские и русские слова имеют одинаковый набор значений⁸. Совпадение возможно тогда, когда полонизм сам когда-то был заимствован в польский язык и функционировал в нем относительно недолго перед перемещением в русский язык [10]. К «ложным друзьям переводчика» относятся, прежде всего, многозначные в польском языке слова, которые были заимствованы только в части своих значений, те, что при адаптации в языке-реципиенте изменили, расширили или сузили семантический объем заимствованных слов.

Наиболее частотны случаи сужения смыслового объема иноязычного слова при внедрении в новый язык: в русский язык переносятся не все лексические значения, свойственные лексеме в языке-источнике. Из романа В. Мединского использованы следующие примеры указанного языкового явления:

Сережку подбери, сопляк, починишь у ювелира, а я считаю на этом сатисфакцию достаточной [6, с. 30] (см. пример I в табл. 1).

*Ворота были раскрыты, и в них уже въезжали подводы, груженные скарбом*¹¹ [6, с. 363] (см. пример II в табл. 1).

– *А хороша фортеция, – буркнул немец, разглядывая твердыню* [6, с. 386] (см. пример III в табл. 1).

Что он тебя, и вправду катом таким считает? [6] (см. пример IV в табл. 1).

Пускай им командует ротмистр Хрулевский... Да и сами с ним поезжайте, кавалер [6] (см. пример V в табл. 1).

Таблица 1

Сужение значения слова при использовании полонизмов в русском языке

Значение слова в языке-источнике	Значение слова в языке-приемнике
Пример I	
Satysfakcja ⁹	Сатисфакция ¹⁰
1. Чувство удовольствия, удовлетворения.	–
2. Удовлетворение за причиненные кому-либо обиду, ущерб; в более узком значении (устар.): поединок.	1. Устар. В феодально-дворянском обществе – удовлетворение за оскорбление, обычно в форме дуэли, поединка, даваемое оскорбителем по требованию оскорбленного
3. Устар. Удовлетворение чьих-либо материальных притязаний.	–
Пример II	
Skarb	Скарб ¹²
1. Чаще во мн. ч. Множество ценностей, драгоценных вещей; имущество, богатство.	1. Разг. Домашние вещи, пожитки, имущество.
2. Вещь очень дорогая, драгоценная.	–
3. Ценные предметы или деньги, спрятанные в укрытии, особенно закопанные в земле; в юридическом значении: найденная спрятанная вещь неопределенного владельца.	–
4. Без мн. ч. Устар. Государственные финансы, государственная касса, имущество государства; учреждение, управляющее государственным имуществом.	–
Пример III	
Forteca	Фортеция ¹³
Место, постоянно укрепленное, с присутствием войска и артиллерии, окруженное системой укреплений, важный стратегический пункт, приспособленный к длительному сопротивлению атакам армии неприятеля и охраняющий обычно важные дороги, переходы или границы государства; крепость, укрепление; в целом: укрепленное место, трудное для захвата, недоступное.	Устар. Небольшое укрепление, крепость.
Пример IV	
Kat	Кат ¹⁴
1. Исполнитель приговоров, осуждающих на смерть, раньше также на пытки или на телесное наказание; негуманно обращающийся с кем-л.	Устар. Палач
2. Народное название рыбы колюшки.	–
Пример V	
Kawaler	Кавалер ¹⁵
1. Неженатый мужчина.	–
–	1. Мужчина, занимающий или развлекающий даму в обществе.
3. В салонных танцах: партнер в танце.	–
4. Определение, употребляемое по отношению к молодым парням, которым не хочется говорить «ты» или «пан»; парень, молодой человек.	–
5. Человек, награжденный орденом (применяется в отношении некоторых орденов и некоторых степеней орденов).	2. Лицо, награжденное каким-либо орденом.
6. Истор. Рыцарь, посвященный рыцарь.	3. В средние века – член какого-либо рыцарского ордена; рыцарь.
7. Давн. Мужчина известного рода; мужчина, вращающийся в высшем свете.	–
–	4. Дворянский титул в Италии и Испании; дворянин.

Однако в языке-приемнике встречаются и примеры развития новых значений на базе вошедших в словарный состав некоторых лексико-семантических вариантов заимствований. С этой точки зрения интерес представляют следующие предложения из романа:

Большинство **реляций** повсю действовавшей и в XVII веке Инквизиции касалось не ведьм, а именно случаев «содомского греха» [6, с. 36] (см. пример I в табл. 2).

Слава о мадьярских сабельщиках, что на коне, сказывали, легко одолеют и польского **гусара**¹⁷, и татарина, а в пешем сабельном бою – так для холодного оружия вовсе практически неуязвимы – гуляла тогда по Белокаменной всю [6, с. 76] (см. пример II в табл. 2).

Каждая **башня** Кремля являла собой самостоятельную крепость, соединенную со стеной лишь непрочными минированными переходами... [6, с. 99] (см. пример III в табл. 2).

Таблица 2

Расширение значения слова при использовании полонизмов в русском языке	
Значение слова в языке-источнике	Значение слова в языке-приемнике
Пример I	
Relacja	Реляция ¹⁶
1. Рассказ о ходе какого-либо случая; мнение, сообщение о чем-либо. Раньше. Сокращение от «реляция из суда»: справка служащего суда низшего звена о вручении вызова в суд.	1. Устар. Письменное донесение о ходе боевых действий войск. Сообщение о каком-либо событии, происшествии. <i>Совпадает частично</i>
2. Философ. Взаимные отношения двух элементов, вид контакта между ними; признак двух элементов, вытекающий из их сравнения.	–
3. Раньше. а) Союз, отношение. б) Показание в суде; публичный протест, жалоба, поданная в суд жалоба.	–
4. Дорога, пересекаемая поездами, идущими от одной определенной станции до другой.	–
–	2. Описание боевого подвига какого-либо лица или военной части при представлении их к награде.
Пример II	
Huzar	Гусар ¹⁸
Солдат старинной легкой кавалерии, изначально в Венгрии, потом и в других странах, одетый и вооруженный на венгерский манер.	1. Доревол. Солдат или офицер кавалерийского полка, носящего форму венгерского образца.
Шугл. О человеке большом, крупном или чрезмерно шумном, крикливом, суровом.	–
–	♦ Об отважном, удалом человеке.
–	◇ Гусара доказать, держать себя гусаром – проявлять молодечество.
Домашний служащий, одетый в венгерский наряд.	♦ Стар. Слуга вельможи, одетый в гусарское платье.
–	2. Устар. В просторечии и школьном жаргоне. Свернутая бумажка, наполненная табаком.
Пример III	
Baszta	Башня ¹⁹
1. Башня для обороны и наблюдения, преимущественно каменная или из кирпича, округлая или в форме призмы, стоящая отдельно или включенная в цепь оборонительных стен обычно на углах.	1. Узкое высокое строение с незначительной шириной по сравнению с высотой (обычно цилиндрической или четырехгранной формы).
2. Резервуар с водой в форме башни на железнодорожных станциях.	–
3. Рыб. Деревянный ящик или каменная камера или решетка в месте притока воды в пруд, защищающая от доступа хищных рыб и не допускающая рыб к водосбросу.	–
4. Воен. Округлая бронированная башня, прикрывающая пушку на военном судне, танке или бронированном автомобиле.	2. Воен.-морск. На верхней палубе военного судна – бронированное вращающееся сооружение, в котором находятся орудия. ♦ Воен. Вращающаяся верхняя часть боевого корпуса танка или бронированного автомобиля, в которой помещаются орудия и пулеметы.
–	♦ Истор. Деревянное передвигаемое сооружение, употреблявшееся в старину как боевое прикрытие и штурмовое приспособление.

Окончание табл. 2

Значение слова в языке-источнике	Значение слова в языке-приемнике
Пример IV	
Cytadela	Цитадель ²⁰
1. Крепость, господствующая над городом, главный её центр.	1. Городская крепость, кремль. Крепость вообще. Центральное укрепление, один из главных фортов крепости.
–	2. Устар. Крепостное сооружение, используемое как тюрьма.
–	2. Перен. Твердыня, оплот чего-нибудь.
Пример V	
Amunicja	Амунция ²¹
Материал, использованный при стрельбе, порох, пули и т. п.; взрывчатые вещества.	1. Соби́р. Воен. Вещи, составляющие снаряжение бойца (кроме оружия и одежды): ранцы, вещевые и сухарные мешки, патронные сумки, ремни и т. п.
Пример VI	
Petarda	Петарда ²²
1. Заряд взрывчатого вещества, использованный ранее, преимущественно, для взрывания ворот, мостов и т.п.; в настоящее время: средство, имитирующее взрывы артиллерийских снарядов, используемое во время тактических приемов и военных маневров.	–
◇ Сигнальная петарда – заряд взрывчатого вещества, который, взрываясь, предупреждает об опасности.	1. Небольшой, взрывающийся при наезде поезда разрывной снаряд, накладываемый на рельсы перед опасным местом и служащий сигналом для остановки поезда.
–	2. Вид комнатного фейерверка – бумажный снаряд, начиненный порохом.
–	3. Старинный разрывной снаряд в виде металлического сосуда, наполненного порохом.

Таблица 3

Значение слова в языке-источнике	Значение слова в языке-приемнике
Hońog	Гоно́р ²³
1. Личное достоинство, доброе имя, честь, добросовестность, благородство, самолюбие.	–
–	1. Преувеличенное мнение о своей чести или достоинстве; чванство, заносчивость.
2. Честь.	2. Устар. Честь, достоинство представителя привилегированного сословия; амбиция.
3. Мн.ч. Достоинства, знаки отличия; уважение.	–
4. Карг. Часто во мн.ч. Каргы от валета до туза.	–

...В любой миг [переходы] могли защитниками башни быть взорваны – и тогда она превращалась в самостоятельную независимую цитадель... [6, с. 99] (см. пример IV в табл. 2).

М. Фасмер [5] вполне определенно полагает, что слово *амунция* было заимствовано из польского языка в русский, согласна с ним и М.-Е. Собик [19]. При этом значение лексемы в русском языке значительно расширилось (см. пример V в табл. 2).

Редки случаи активного развития лексико-семантических вариантов полонизмов в русском языке.

А ну как прошибут ворота *петардами*? [6, с. 444] (см. пример VI в табл. 2).

О возникновении в русском языке полонизмов, связанных с непониманием русскими тех или

иных действий поляков – как в случае с лексемой *гонор*, пишет И.А. Шушарина [10, с. 109–110].

А просто так друг в друга саблей тыкать, из *гонора* али из обиды, как во Франциях каких, – забудь навсегда [6, с. 80].

Только ли потому, что его шведская половина пропиталась польским *гонором*, а польская – шведским упорством? [6, с. 487] (см. табл. 3).

Варианты последних двух примеров – *хонор* и *хусар* – Е. В. Маринова отнесла бы к «исчезающим» видам вариантов иноязычных слов, которые «в новейший период функционирования русского языка, по сравнению с предшествующими столетиями, не проявляются» [22, с. 89]. Подробнее о польском понятии *honor* см. [23].

Как мы видим из приведенных выше примеров, близкозвучные в двух языках слова не все-

гда имеют полностью совпадающие значения, в самостоятельно развивающихся языках проявляется языковая асимметрия.

Многие экзотизмы и иноязычные вкрапления с течением времени переходят в разряд полностью адаптированных в языке заимствований. Среди них встречаются примеры полного совпадения толкований слов в двух языках: *крахмал, католик, казарма, рекрут, жолнер, паишет*²⁴, *палаиш*²⁵, *бердыш, ретирада*.

Чем ближе заимствованные слова к рутинной, повседневной жизни, тем точнее они передают «выпуклый» образ героев. Поэтому кажется логичным употребление в описаниях жизни иностранцев традиционных блюд. В этом вопросе мы согласны с Гадимовой и Чамседеновой, которые полагают, что «вариативные ритуалы приема пищи... способствуют лучшему пониманию культуры, традиций и быта той или иной страны в ту или иную историческую эпоху» [24]. Видимо, эту точку зрения не разделяет автор исследуемого романа, так как название польских блюд в тексте не встречается.

Особняком стоят случаи, когда автор, стилизуя речь персонажа, искажает русские слова, чтобы при прочтении текста нам слышался польский «акцент»:

Я из Варшавы, новой столицы Польши. И знать не знаю ни про какой ваш Шмольяньск... [6, с. 158].

Или, наоборот, искажает польские слова для привлечения к ним внимания читателя:

– *Мы – добрые христиане, ясноветлейший... Э, нет, не так! Светловельможный пан!* Д... *добрые католики* [6, с. 217].

Не обходится текст романа и без иноязычных вкраплений²⁷, которые вводятся в текст двумя наиболее распространенными способами: без комментария, перевода, когда автор предполагает, что читатель сам определит значение используемого элемента, опираясь на контекст, и с сопровождением авторскими сносками, переводом. Комментарии к последнему могут рассматриваться как изобразительно-выразительное средство, которое в той или иной степени может брать на себя образовательную функцию помимо облегчения восприятия текста:

А и в самом-то деле: «смола» на польском – это же пекло. Ад! Увлечись, он так и сказал: pieklo [6, с. 160].

В следующий раз перевод автором дается уже в сноске:

*Смола, – произнес рядом с Фрицем какой-то польский офицер. – Пекло*²⁸ [6, с. 417].

Подобного рода примеры, когда варьируются единицы, различающиеся наличием/отсутствием букв иностранного алфавита (латиницы),

Е.В. Маринова относит к новым вариантам графических вариантов слов [см. 22, с. 88].

Встречаются также случаи транслитерации, которые сопровождаются специальными приемами включения в текст полонизма: русский эквивалент или авторское пояснение приводится в сносках после заимствования, или полонизм вводится в текст перед соответствующим русским пояснением, что добавляет фразе экспрессивности. Например, в первом случае автор сам переводит ругательство, а далее транслитерирует его без пояснения:

– *Ах ты ж, psja krew...*²⁹ – *офицер схватился за то место, где должен находиться эфес его сабли, но сабля лежала в двух шагах, среди всей его сваленной в беспорядке амуниции* [6, с. 162].

– *Но... пся крев, это не то! Здесь чушь какая-то!* [6, с. 219].

В следующих примерах авторское пояснение является необходимым, так как в русском языке эти полонизмы не представлены:

– *Пч... Почему? Я что... уже здесь не хозяйин? Tysiac diablow*³⁰, *эт-то – моя з... земля! Мой маеток!*³¹ [6, с. 893].

– *А, niech cie piorun trzasnie!*³² *Дайте кто-нибудь руку!* [6, с. 419].

– *Птак*³³ – *это по-нашему Луазо. Он себя тут так называет* [6, с. 961].

Своеобразной данью польской вере и любви всех поляков к Деве Марии является упоминание следующего восклицания, типичного для «польского текста»:

Поляк вырвал горн из рук капитана. Горн захрипел.

– *Матка Боска!*³⁴ *Проклятие!* [6, с. 466].

Фразеологические единицы *пся крев* и *Матка Боска*, представленные в русской транслитерации, М.А. Фокина считает выразительными средствами речевой индивидуализации персонажей, видит в них отражение национально-культурной специфики речевого поведения поляков, передающими психологические особенности их личностей [28, с. 302, 305].

Один из приемов ввода автором полонизмов в текст – приведенные в тексте романа развернутые сноски, включающие в себя не только перевод, но и пояснение заимствования:

*Среди его раскиданных по дивану и возле дивана вещей валялась дарда*³⁵ *с желтым флажком, свидетельствовавшая о том, что этот пан служит десятником в войске польском* [6, с. 151].

При этом *дарда* в толковых и этимологических словарях русского языка не представлена.

*Темноволосый венгр в бархатных штанах, залитой вином шелковой рубашке и почему-то не снятой магерке*³⁶, *съехавшей ему на нос, вдруг сообразил, что этот вопрос следовало бы за-*

дать, когда он еще вербовался в войско **Речи Посполитой**... да как-то не до того было [6, с. 153].

Несколько поляков тотчас сообщили, что последней ночью Фриц вел в наступление доверенную ему роту **жолнеров**³⁷ [6, с. 509].

В некоторых случаях автор отмечает, что тот или иной герой «говорит на польском», но при этом прямая речь приводится на русском языке без иноязычных вкраплений, экзотизмов, освоенных языком полонизмов. Подобного рода ремарки выполняют функцию придания повествованию местного колорита:

*А до чего же, однако, оказывается, послушные лошадки у **польских** панцирников* [6, с. 182].

*Какой-то человек, державший под уздцы коня, колошматил в ворота постоялого двора то ли палкой, то ли рукоятью сабли. Колошматил и орал **по-польски**:*

– *Отворите! Немедленно отворайте, или я прикажу высадить и ворота и дверь!* [6, с. 215].

– *З... занято! – на скверном **польском** воскликнул Фриц.* [6, с. 216].

*Позади собеседников слышался конский топот, возбужденные голоса и затем густой голос возгласил **по-польски**:*

– *Дорогу! Дорогу великому христианскому королю Сигизмунду!* [6, с. 375].

В отдельных случаях автор передаёт русскими буквами название реально существовавшего в польском государстве явления, поясняя его в более широком контексте:

*Король назначал ротмистра – кого-то из своих друзей или просто заметных людей, магнатов, давая ему «лист **пишповедны**»³⁸, своего рода патент. Ротмистр приглашал товарищей – кто-то отказывался, а тот, кто соглашался, должен был приходиться со своим **почтом**³⁹ – со своими людьми, слугами или дворянами из «убогой», то есть бедной шляхты. ... [6, с. 406].*

Встречаются среди полонизмов и такие, которые легко могли бы быть отнесены к примерам из словаря ложных друзей переводчика. Так, лексему **поручик** русский язык заимствовал из польского *porucznik*, оба слова относятся к военной тематике. В то же время в русском языке есть слово *поручник*, которое толкуется как «то же, что поручитель» [29], «ходатай, поверенный, заступник» [30].

*В конце концов собиралась ватага авантюристов, которой обычно в походе командовал **поручик** – заместитель ротмистра, занятого своими делами* [6, с. 406].

Как видно из приведенного выше анализа, текст современного российского автора содержит самые разнообразные слова и выражения польского происхождения, которые рисуют картину польского мира начала XVII века.

Примечания

1. В данной статье отнесенность лексем к заимствованиям из польского языка в лексикографической практике проверялась по этимологическому словарю М. Фасмера [5], если не указано иное.

2. А фамилию другое заменило прозвище, по отцу – Скуратов, то есть высокий, стройный [6, с. 117].

3. Ежи Мнишек, государственный и военный деятель Речи Посполитой, польский магнат, отец Марины Мнишек, жены Лжедмитрия I и Лжедмитрия II.

4. Николай Зебжидовский – государственный деятель Речи Посполитой, инициатор и главный руководитель рокоша Зебжидовского, мятежа польской шляхты, поднятого против короля Сигизмунда III в 1606 г.

5. Станислав Жолкевский – польский полководец начала XVII века, гетман и канцлер великий коронный.

6. Сигизмунд III Ваза – король польский и великий князь литовский.

7. Лев Иванович Сапега – государственный и военный деятель Великого княжества Литовского, входившего в Речь Посполитую.

8. См. наши статьи на эту тему «О семантических различиях между польскими и русскими лексическими единицами, происходящими из одного источника (лекcja vs. лекция: к вопросу о культурной специфичности)» и «Польские и русские лексические единицы, происходящие из одного источника: о семантических различиях слов garot и рапорт».

9. Значения польских слов приводятся по самому подробному на сегодняшний день толковому словарю польского языка [11], включающему в себя примеры из источников в период со второй половины XVIII века до времени создания словаря, в том числе лексемы, вышедшие из употребления в XX веке. Значения приводятся в переводе автора данной статьи.

10. Значения приводятся по [12, с. 200].

11. Этимология слова по [13], время заимствования определяется древнерусским периодом.

12. Значения приводятся по [12, с. 898].

13. Значения приводятся по [14, с. 1516].

14. Значения приводятся по [15, с. 859].

15. Значения приводятся по [15, с. 631–632].

16. Значения приводятся по [16, с. 1206].

17. Автору известно о венгерском происхождении единицы, но в данной работе мы будем считать полонизмами лексемы, пришедшие в русский язык именно из польского, даже если перед этим они проделали долгий путь в третьих языках.

18. Значения приводятся по [17, с. 492–493].

19. Значения приводятся по [18, с. 302–303].

20. Значения приводятся по [20, с. 707].

21. Значения приводятся по [18, с. 121].

22. Значения приводятся по [21, с. 1102–1103].

23. Значения приводятся по [17, с. 254].

24. Этимология слова по [13].

25. Этимология слова по [13].

26. Дословный перевод *jaśnie wielmożny*.

27. Термин впервые был предложен А.А. Леонтьевым, который под иноязычным вкраплением понимал различные языковые единицы, включающие иностранные элементы как минимум на одном из четырех анализируемых уровней (лексемном, морфемном, фоне-

мною или уровне звукотипов). См. подробнее [25]. Позже Д.С. Лотте предложил термин «иноязычное вкрапление» применять для окказионального употребления иностранных слов в русской речи (в нерусской графике), разграничивая их с варваризмами [26]. Подробную классификацию явления с точки зрения соотношения вкраплений с системами контактирующих языков предложила Ю.Т. Листрова-Правда [27, с. 24–26], а в настоящее время вкрапления однозначно понимаются как «слова или словосочетания чужого языка, вводимые в текст в графическом облике языка-источника» [9, с. 111].

28. Piekło – ад; смола (польск.) * сноска дана в тексте романа.

29. Сукин сын (польск.) * сноска дана в тексте романа.

30. Тысяча чертей (польск.) * сноска дана в тексте романа.

31. Имение (польск.) * сноска дана в тексте романа.

32. Разрази тебя гром! (польск.) * сноска дана в тексте романа.

33. Ptak – птица (польск.) * сноска дана в тексте романа.

34. Matka Boska! (Матерь Божья!)

35. Дарда – короткое копье с декорированным насечкой наконечником и отличительным знаком (флажком) хоругви (сотни), в которой служил десятник – младший командный чин польской армии * сноска дана в тексте романа.

36. Магерка (искаженное «мадьярка») – круглая шапочка с плоским днищем и отгибающимися краями. Венгерский головной убор, позаимствованный польскими военными * сноска дана в тексте романа.

37. Жолнер – переделанное старонемецкое слово «зольденер», «солдат». Оно произошло от старофранцузского «сольде» – жалование (польск.) * сноска дана в тексте романа.

38. Истор. List przyrównedni, zapowiedni – разрешение, выдаваемое кому-л., обычно королем, на вербовку определенного количества солдат [11].

39. Почт – отделение в польской хоругви, кавалерийском эскадроне * сноска дана в тексте романа.

Список литературы

1. Гадимова Дж.А. Семантико-грамматическая и стилистическая адаптация полонизмов в русском литературном языке XIX–XX вв.: Автореф. дис. ... д-ра филол. по филолог. наукам (5707.01); Бакинский Славянский университет. Баку, 2014. 38 с.

2. Гарбуль Л.П. К вопросу о межславянской миграции лексики (О происхождении некоторых слов в русском языке) // Русистика и компаративистика: Сб. науч. ст. Вып. VI. Вильнюс–Москва, 2011. С. 191–201.

3. Грот Я.К. Труды Я.К. Грота. Т. 2. Филологические разыскания (1852–1892). СПб.: тип. М-ва пут. со-общ. (т-ва И.Н. Кушнерев и К^о), 1899. 941 с.

4. Witkowski W. Nowy słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim, Kraków: Universitas, 2006. 256 s.

5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М.: Прогресс, 1986–1987.

6. Мединский В.Р. Стена. М.: ОлмаМедиаГрупп / Просвещение, 2016. 624 с.

7. Ананьева Н.Е. О польском языке в произведениях русской литературы XIX века (на примере творчества В.Г. Короленко) // Славянский вестник. Вып. 2. М., 2004. С. 13–26.

8. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XII: Жилы – Земпах. 1894. С. 374–375.

9. Маринова Е.В. Теория заимствования в основных понятиях и терминах: Словарь-справочник. М.: ФЛИНТА, 2013. 240 с.

10. Шушарина И.А. Полонизмы в русском языке // Филологические знания на современном этапе. Курган, 2015. С. 102–110.

11. Doroszewski W. Słownik języka polskiego. T. I–XI. Warszawa, 1958–1969.

12. Словарь современного русского литературного языка. Т. XIII. С – сняться. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1962.

13. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. М.: Прозерпина, 1994. 400 с.

14. Словарь современного русского литературного языка. Т. XVI. У – Ф. М. – Л.: Наука, 1964. 1610 стб.

15. Словарь современного русского литературного языка. Т. V. И – К. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. 1918 стб.

16. Словарь современного русского литературного языка. Т. XII. Р. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961.

17. Словарь современного русского литературного языка. Т. III. Г – Е. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1954.

18. Словарь современного русского литературного языка. Т. I. А – Б. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950.

19. Sobik M.E. Polnisch-russische Beziehungen im Spiegel des russischen Wortschatzes des 17 und der ersten Hälfte des 18 Jahrhunderts. Meisenheim am Glan, 1969.

20. Словарь современного русского литературного языка. Т. XVII. Х – Я. М. – Л.: Наука, 1965.

21. Словарь современного русского литературного языка. Т. IX. П – пнуть. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1959.

22. Маринова Е.В. Новые участки вариантности языковых единиц и становление нормы современного русского литературного языка // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 3. С. 83–92.

23. Толстая С.М. Русская ЧЕСТЬ и польский HONOR // Etnolingwistyka. 2013. № 25. С. 9–21.

24. Гадимова Дж.А., Чамседина Г.Ш. Полонизмы в русском языке: лексико-семантическое поле «Еда» // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. Т. 12. № 1. 2018. С. 44–47.

25. Леонтьев А.А. Иноязычные вкрапления в русскую речь // Вопросы культуры речи. 1966. Вып. VII. С. 60–68.

26. Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М.: Наука, 1982. 148 с.

27. Листрова-Правда Ю.Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1986. 144 с.

28. Фокина М.А. Особенности смыслового взаимодействия русских и польских фразеологизмов в романе В.Я. Шишкова «Угрюм-река» // Литературная и диалектная фразеология: история и развитие (Пятое Жу-

ковские чтения): Материалы Междунар. науч. сим-поз. к 90-летию со дня рождения Власа Платоновича Жукова: в 2 т. Т. 1 / Сост., отв. ред. В.И. Макаров; НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2011. С. 302–305.

29. Словарь современного русского литературного языка. Т. X. По – поясочек. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1960.

30. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: Эксмо, 2006. 736 с.

TYPES AND FUNCTIONS OF POLONISMS IN V. MEDINSKY'S NOVEL «THE WALL»

A.A. Urazbekova

The article considers V. Medinsky's novel «The Wall» from the perspective of using Polonisms in this book. The number of borrowings from Polish into Russian has been growing steadily over time, as evidenced by the data of the lexicographical sources quoted by the author. The text of the book contains both lexical borrowings, for which the Polish language served as an intermediary in the transmission of lexemes from Latin, Italian, German, French and Hungarian, and the Polonisms proper. Usage examples of some words (рокош), word forms (светловельможны) and transliterated forms (пся крев, пекло) are examined. They are applied by V. Medinsky in order to add Polish flavor to his novel. The ways of insertion of Polonisms in the text are considered. The process of changing Polonisms' lexical meaning during their adaptation in the Russian language is shown.

Keywords: Polonism, borrowing, foreign words, Polish language, Russian language, lexicography, semantic adaptation, language contacts.

References

1. Gadimova Dzh.A. Semantiko-grammaticheskaya i stilisticheskaya adaptaciya polonizmov v russkom literaturnom yazyke XIX–XX vv.: Avtoref. dis. ... d-ra filol. po filolog. naukam (5707.01); Bakinskij Slavyanskij universitet. Baku, 2014. 38 s.

2. Garbul' L.P. K voprosu o mezhslyavianskoj migracii leksiki (O proiskhozhdenii nekotoryh slov v russkom yazyke) // Rusistika i komparativistika: Sb. nauch. st. Vyp. VI. Vil'nyus–Moskva, 2011. S. 191–201.

3. Grot Ya.K. Trudy YA.K. Grot. T. 2. Filologicheskie razyskaniya (1852–1892). SPb.: tip. M-va put. soobshch. (t-va I.N. Kushnerev i Ko), 1899. 941 s.

4. Witkowski W. Nowy słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim, Kraków: Universitas, 2006. 256 s.

5. Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. T. 1–4. M.: Progress, 1986–1987.

6. Medinskij V.R. Stena. M.: OlmaMediaGrupp / Prosveshchenie, 2016. 624 c.

7. Anan'eva N.E. O pol'skom yazyke v proizvedeniyah russkoj literatury XIX veka (na primere tvorchestva V.G. Korolenko) // Slavyanskij vestnik. Vyp. 2. M., 2004. S. 13–26.

8. Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona. T. XII: Zhily – Zempah. 1894. C. 374–375.

9. Marinova E.V. Teoriya zaimstvovaniya v osnovnyh ponyatiyah i terminah: Slovar'-spravochnik. M.: FLINTA, 2013. 240 c.

10. Shusharina I.A. Polonizmy v russkom yazyke // Filologicheskie znaniya na sovremennom etape. Kurgan, 2015. S. 102–110.

11. Doroszewski W. Słownik języka polskiego. T. I–XI. Warszawa, 1958–1969.

12. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. T. XIII. S – snyat'sya. M. – L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1962.

13. Shanskij N.M., Bobrova T.A. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. M.: Prozerpina, 1994. 400 s.

14. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. T. XVI. U – F. M. – L.: Nauka, 1964. 1610 stb.

15. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. T. V. I – K. M. – L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1956. 1918 stb.

16. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. T. XII. R. M. – L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1961.

17. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. T. III. G – E. M. – L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1954.

18. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. T. I. A – B. M. – L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1950.

19. Sobik M.E. Polnisch-russische Beziehungen im Spiegel des russischen Wortschatzes des 17 und der ersten Hälfte des 18 Jahrhunderts. Meisenheim am Glan, 1969.

20. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. T. XVII. H – YA. M. – L.: Nauka, 1965.

21. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. T. IX. P – pnut'. M. – L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1959.

22. Marinova E.V. Novye uchastki variantnosti yazykovykh edinic i stanovlenie normy sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2018. № 3. S. 83–92.

23. Tolstaya S.M. Russkaya ChEST' i pol'skij HONOR // Etnolingvistyka. 2013. № 25. S. 9–21.

24. Gadimova Dzh.A., Chamsedinova G.Sh. Polonizmy v russkom yazyke: leksiko-semanticheskoe pole «Eda» // Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki. T. 12. № 1. 2018. S. 44–47.

25. Leont'ev A.A. Inoyazychnye vkrapljeniya v russkuyu rech' // Voprosy kul'tury rechi. 1966. Vyp. VII. S. 60–68.

26. Lotte D.S. Voprosy zaimstvovaniya i uporyadocheniya inoyazychnykh terminov i terminoelementov. M.: Nauka, 1982. 148 s.

27. Listrova-Pravda Yu.T. Otbor i upotreblenie inoyazychnyh vkraplenij v russkoj literaturnoj rechi XIX veka. Voronezh: Izd-vo VGU, 1986. 144 s.

28. Fokina M.A. Osobennosti smyslovogo vzaimodejstviya russkih i pol'skih frazeologizmov v romane V.Ya. Shishkova «Ugryum-reka» // Literaturnaya i dialektnaya frazeologiya: istoriya i razvitie (Pyatye Zhukovskie chteniya): Materialy Mezhdunar. nauch. simpoz.

k 90-letiyu so dnya rozhdeniya Vlasa Platonovicha Zhukova: v 2 t. T. 1 / Sost., otv. red. V.I. Makarov; NovGU im. Yaroslava Mudrogo. Velikij Novgorod, 2011. S. 302–305.

29. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. T. X. Po – poyasochek. M. – L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1960.

30. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. Sovremennaya versiya. M.: Eksmo, 2006. 736 s.